

Житие и рыцарский роман

О.Г. Унтилова

Автор: Унтилова Оксана Григорьевна, учитель русского языка и литературы образовательного центра «Гармония» г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 8.

Тема: Средневековая литература.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. Житийное произведение «Повесть о Петре и Февронии» часто сопоставляют с рыцарскими романами средневековья, в частности, романом «Тристан и Изольда», так как оба произведения имеют в основе своей устные народные предания. Правомерно ли такое сравнение? Какие сюжетные ходы этих двух произведений дают основание так считать? Можно ли назвать «Тристана и Изольду» — житием, а «Повесть...» — рыцарским романом?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с выводами известных людей.

Возможные информационные источники

Сайт газеты «Литература» (Издательский дом «1 сентября»)

<http://lit.1september.ru>

<http://lit.1september.ru/urok/index.php?SubjectID=110010>

Бахтин М. Эпос и роман (О методологии исследования романа).

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/epos_roman.php

<http://www.portal-slovo.ru>

Культурные образцы

История русской литературы X–XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Под ред. Д.С. Лихачёва. М.: Просвещение, 1979.

Глава 6. ЛИТЕРАТУРА XVI ВЕКА

Агиография

Одним из основных видов письменности XVI в. оставалась агиография — литература житий святых. В XVI в. были канонизированы, объявлены святыми, признаваемыми всей русской церковью, многие лица, которых раньше почитали только в определённых землях и княжествах, а также ряд церковных деятелей недавнего прошлого.

Жития XVI в. дошли до нас и в отдельных текстах, и в сборниках, и, что особенно характерно для этого периода, в составе больших сводов — па-

териков и «Великих Миней Четиих». Многие из житий этого периода были посвящены святым — основателям монастырей конца XV и XVI в.

Целый ряд памятников житийной литературы XVI в. связан с Волоколамским монастырём, основатель которого Иосиф Волоцкий был главным «обличителем» новгородско-московской ереси. Волоколамские жития были объединены в специальный свод «повестей преже бывших отец (отцов)» Боровского и Волоколамского монастырей — «Волоколамский патерик». Составителем его был племянник и сподвижник Иосифа Волоцкого, писатель и иконописец Досифей Топорков.

Традиции агиографии иосифлян, последователей Иосифа Волоцкого, продолжал митрополит Макарий. Макарий был первоначально монахом того самого Боровского монастыря, где начал свою деятельность и Иосиф Волоцкий. Созданные под его руководством «Великие Миней Четий», как мы уже знаем, должны были охватить весь круг чтения людей XVI в., но основу их составляли именно жития. При этом, несмотря на огромные размеры «Великих Миней», в состав их входили далеко не все жития, известные русской письменности до XVI в. Явное предпочтение составителя «Великих Миней» отдавали «украшенным» житиям, подобным тем, которые составлял в XV в. Пахомий Логофет. Житие Михаила Клопского XV в., написанное в стиле, необычном для агиографии, было значительно переработано одним из редакторов «Великих Миней» Василием Михайловичем Тучковым; его неожиданное начало заменено традиционным житийным вступлением.

Кроме житий, входивших в «Волоколамский патерик» и «Великие Миней Четий», ряд житий продолжал создаваться и переписываться отдельно. Так, в отдельных сборниках сохранялось «Житие Петра Ордынского», сильно переделанное в «Великих Миней». Именно в XVI в. возникла дошедшая до нас редакция такого выдающегося литературного памятника Древней Руси, как житие Петра и Февронии.

«*Повесть о Петре и Февронии*». Дошедшая до нас житийная «Повесть о Петре и Февронии» представляет собой сочинение писателя и публициста XVI в. Ермолая-Еразма. Биографические сведения об этом писателе весьма скудны. В середине XVI века он приехал в Москву из Пскова и стал протопопом дворцового собора в Москве, а к началу 60-х гг. постригся в монахи (под именем Еразма) и, возможно, покинул столицу. Наиболее значительным публицистическим произведением Еразма был трактат «Благохотящим царям правительница и землемерие». В этом сочинении Ермолай-Еразм высказал мысль о «ратаях» (крестьянах) как основе всего общества: «В начале же всего потребна бо суть ратаеве: от них бо трудов есть хлеб, от сих же всех благих главизна (большинство всех благ)... и вся земля (страна) от царя и до простых питаема». Считая общественное неравенство, при котором «ратай» кормит своих господ, неизбежным явлением, Ермолай, однако, предлагал твёрдо определить размеры крестьянских оброков и оградить крестьян от притеснений государственных землемеров и сборщиков. Такое решение, по его мнению, приведёт к уменьшению крестьянских волнений — «всякого мятежа».

Наряду с публицистическими памятниками Ермолай-Еразм создавал и агиографические — «Повесть о рязанском епископе Василии» (вошедшую впоследствии в «Житие Муромского князя Константина») и «Повесть о Петре и Февронии», основанную, очевидно, на житийном рассказе XV века.

Существование рассказа о Петре и Февронии, составленного ещё до конца XV в., доказывается тем, что сохранилась церковная служба XV в., посвящённая муромскому князю Петру, победившему змея, и его мудрой супруге Февронии, с которой Пётр был похоронен в едином гробе. Очевидно, основной сюжет повести сложился ещё до Ермолая-Еразма.

Сюжет этот таков. К жене мудро-го царя Павла повадился летать змей, принимавший облик её мужа. Против змея выступает брат Павла Пётр, побеждающий его; но от крови змея, брызнувшей на Петра, он заболевает — тело его покрывается струпьями. Петра излечивает мудрая крестьянская девушка Феврония; в награду она требует князя себе в мужья.

Сюжет повести перекликается со многими произведениями русского и мирового фольклора; отразился он и в письменных источниках средневековья. В знаменитом западноевропейском (кельтском, французском) сказании о Тристане и Изольде рассказ тоже начинается с победы героя (Тристана) над змеем (драконом); излечивает его героиня (Изольда).

Однако сюжетное совпадение «Повести о Петре и Февронии» с «Тристаном и Изольдой» ещё больше подчёркивает различия между ними в трактовке героев. «Повесть о Петре и Февронии», в отличие от легенды о Тристане и Изольде, — это рассказ не

о любви, не о всепобеждающей страсти героев, а о верной супружеской жизни, причём основным мотивом этой повести является ум героини рассказа, её умение «переключать» (перехитрить) своих собеседников — черта, сближающая Февронию с летописной Ольгой из «Повести временных лет».

Феврония появляется в повести после того, как заболевший Пётр, ища излечения, посылает по всей Рязанской земле «искати врачей». Княжеский отрок (слуга) во время этих поисков попадает в деревню Ласково и видит девушку за ткацким станком; перед нею прыгает заяц. На вопрос отрока, где остальные жители дома, она отвечает, что родители её пошли «взаём (взаимы) плакати», а брат отправился «сквозь ноги в нави зрети (смотреть смерти в глаза)». Отрок не может разгадать эти загадочные слова, но девушка объясняет ему, что родители пошли оплакивать покойника: когда они умрут, по ним так же будут плакать, значит, они плачут взаимы; брат же её бортник, добывающий мёд с деревьев и глядящий себе под ноги, чтобы не сорваться и не погибнуть. Убедившись в мудрости Февронии (так зовут девушку), отрок просит её излечить своего князя. Феврония соглашается, но с условием, что Пётр возьмёт её в жёны.

Как понимать это условие? Читатель, который воспринимал повесть только как житие, а в Февронии видел прежде всего святую, мог видеть здесь проявление её мудрости — она заранее знала, что Пётр предназначен ей в мужья. Но люди, воспитанные на народных сказках, где часто встречается подобное условие, могли воспринимать этот мотив и иначе — в чисто бытовом плане. Живя в своей деревне Ласково, Феврония едва ли

могла даже видеть Петра до того, как он обратился к ней за излечением. У читателя, естественно, создаётся впечатление, что к Петру Февронию влекла не любовь (в легенде о Тристане и Изольде упоминается волшебный любовный напиток), а лишь желание не упустить своё счастье.

Такой же ум и умение «переключать» собеседника обнаруживает Феврония и при переговорах с Петром. Вначале княжич пытался «искусить» Февронию: он послал ей клочок льна и потребовал, чтобы она выткала из него «срачицу (сорочку) и порты и убрусец». Но Феврония отвечает нелепостью на нелепость; она соглашается выполнить просьбу Петра при условии, если княжич приготовит ей из щепочки ткацкий станок. Сделать это Пётр, естественно, не может и поэтому отказывается от своего требования. После излечения Пётр пытается нарушить обещание жениться на крестьянке. Но Феврония предусмотрительно велела смазать все его язвы, кроме одной, и вероломство Петра приводит к тому, что от «того струпа начаша многи струпы расходитися на теле его»; для окончательного излечения Петру приходится выполнить своё обещание.

Пётр женится на Февронии, но бояре Муромской земли не желают, чтобы княгиней у них была крестьянка. Она соглашается уйти из Мурома, но с условием, что ей разрешат взять с собой то, что она попросит. Бояре соглашаются и княгиня просит: «токмо супруга моего князя Петра».

Вместе с Петром и Февронией из Мурома на корабле отплывают и некоторые их приближённые. Среди них некий женатый человек, который, подстрекаемый бесом, «возрев (посмотрел) на святую с помыслом».

Тогда Феврония посоветовала ему зачерпнуть и испить воды с одного борта судна, затем с другого. «Равна ли убо си вода есть, или едина слажши?» — спросила она его. Тот ответил, что вода одинакова. «И едино естество женское есть. Почто убо свою жену оставя, чюжия мыслиши!» — объяснила Феврония.

Как понимать эти сцены? Как и история женитьбы Петра на Февронии, они могут быть восприняты по-разному: и как указание на мудрость героини, и как свидетельство её своеобразного лукавства. Феврония предвидит, что глупые бояре не поймут, что именно попросит у них княгиня, и таким образом «переключивает» их. Так же и её ответ нескромному попутчику на корабле имеет не открыто поучительный, а шуточный характер; подобным же образом отвечала на нескромные домогательства французского короля одна из героинь «Декамерона» Боккаччо (день I, новелла 5).

Изгнание Петра и Февронии длилось недолго: мятежные бояре оказываются неспособными удержать власть, и Петра и Февронию вновь призывают в Муром.

Заключительная сцена повести глубоко поэтична. Под старость герои вместе постригаются в монахи и хотят умереть также вместе. Пётр первым ощущает приближение смерти и зовёт Февронию «отити» вместе. Феврония вышивает «воздух» — ткань для святой чаши. Она просит мужа подождать. Но Пётр ждать не может. Тогда она дошивает только лик святого, втыкает иглу в ткань, «приверте нитью, ею же шиаше (вышивала)», и умирает вместе с мужем.

После смерти Петра и Февронии их пытаются похоронить раздельно,

но чудесным образом оба героя оказываются в едином гробе.

«Повесть о Петре и Февронии» была тесно связана с фольклором, перекликается она и с «бродячими сюжетами» мировой литературы. Из русских сказок повесть больше всего напоминает сказки «Семилетка» и «Стрижена девка», где также рассказывается о женитьбе знатного человека на крестьянской девушке, доказывающей свою мудрость решением трудных задач; здесь также есть мотив изгнания героини, забирающей с собой то, что ей всего дороже, — своего мужа. Но в русских сказках (сохранившихся только в записях нового времени) нет мотива болезни и излечения знатного мужа. Очевидно, однако, что этот мотив также присутствовал в фольклорном сюжете, использованном Ермолаем-Еразмом.

В одной из новелл «Декамерона» Боккаччо (день III, новелла 9) героиня (Джилетта из Нарбонны) в награду за излечение французского короля получает в мужья одного из придворных. Неравный брак приносит ей горе и изгнание, но мудрость героини, как и в русском сказании, помогает ей добиться победы. Тот же сюжет был использован и Шекспиром в комедии «Всё хорошо, что хорошо кончается».

Очевидно, сочетание мотивов неравного брака и излечения героя героиней было известно и русскому фольклору XV–XVI вв. Конец повести о Петре и Февронии также связан с фольклорными мотивами и опять напоминает «Тристана и Изольду» — там любовь героев тоже оказывается сильнее смерти (из могилы Тристана вырастает куст терновника, соединяющий её с могилой Изольды).

Нетрадиционный характер житийной «Повести о Петре и Февронии» делал её, очевидно, неподходящей для агиографических канонов XVI в. «Повесть о Петре и Февронии», хотя и созданная одновременно с окончательной версией «Великих Минеи Четиих» (Успенские и Царские Минеи), в их состав включена не была. Фольклорные мотивы повести, её лаконизм, отсутствие этикетных черт — всё это делало её чуждой агиографической школе митрополита Макария. Но эти же особенности делают «Повесть о Петре и Февронии» одним из лучших памятников литературы Древней Руси.

Лихачёв Д.С. Великое наследие // Лихачёв Д.С. Избранные работы в трёх томах. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1987. С. 3-342.

Лихачёв Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских»

О времени возникновения «Повести о Петре и Февронии Муромских» идут споры. Одни исследователи относят её к XV в., другие — к началу XVI-го. Судя по тому, что церковный культ Петра и Февронии в Муроме сложился уже во второй половине XV в., вероятнее, что «Повесть» в каком-то неизвестном нам первоначальном виде была составлена уже в это время. Однако свой окончательный вид «Повесть» приобрела, как это доказала сейчас Р. П. Дмитриева, под пером Ермолая Еразма — писателя, работавшего в середине XVI в.

«Повесть о Петре и Февронии» представляет собой соединение двух

фольклорных сюжетов: одного о змее-соблазнителе и другого — о мудрой деве. Сюжеты эти в «Повести» соединены и приурочены к Мурому, а вся повесть претендует на историческую достоверность.

Очарование «Повести» — в простоте и ясности изложения, в степенной неторопливости рассказа, в способности повествователя не удивляться со спокойствием рассказчика простоте и беззлобии действующих лиц.

Героиня повести — дева Феврония. Она мудра народной мудростью. Она загадывает мудрые загадки и умеет без суеты разрешать жизненные трудности. Она не возражает врагам и не оскорбляет их открытым поучением, а прибегает к иносказанию, цель которого — преподать безобидный урок: её противники сами догадываются о своих ошибках. Она творит чудеса походя: заставляет за одну ночь расцвести в большое дерево воткнутые для костра ветви. Её животворящая сила распространяется на всё окружающее. Крохи хлеба в её ладони превращаются в зёрна благоуханного ладана.

Князь Пётр пытается обмануть её только один раз, вначале, когда он решает не жениться на ней, вопреки своему обещанию. Но после первого же урока, преподанного ему Февронией, он слушает её во всём и, обвенчавшись, живёт с нею в согласии, их любовь переступает и за порог смерти.

«Сей убо в Рустей земли град, нарицаемый Муром» — так просто начинается повесть. В граде этом, как рассказывают, говорит повествователь, княжил благоверный князь Павел. И стал к его жене летать змий-насильник. Для посторонних он принимал облик Павла. Жена Павла поведала мужу о

своём несчастью, и стали оба думать, как избавиться от насильника.

Однажды, когда змий снова прилетел к жене Павла, она спросила змия «с почтением»: «Многое ты знаешь, знаешь ли ты кончину свою: какая она буде и от чего?». Прельщённый «добрым прельщением» жены Павла, змий ответил: «Смерть моя — от Петрова плеча, от Агрикова меча».

Брат Павла, Пётр, решает убить змия, но не ведает, где ему достать Агриков меч. Он находит этот меч в одной из своих поездок для уединённой молитвы в загородном храме в алтаре между «керамидами», то есть керамическими плитками, обычно закрывавшими погребения.

Удостоверившись, что в храмине у жены Павла сидит не Павел, а змий, принявший облик Павла, Пётр ударяет его Агриковым мечом. К змию возвращается его подлинный облик, и он «трепеща» умирает, обрызгав Петра своею кровью. От этой крови Пётр покрывается струпиями. Болезнь его невозможно вылечить. Страшная болезнь Петра служит завязкой второй части повести, где появляется мудрая дева Феврония, излечивающая князя. Есть что-то общее в деталях этой части повести с западноевропейским средневековым повествованием о Тристане и Изольде.

Феврония подобна тихим ангелам Рублёва. Она «мудрая дева» сказочных сюжетов. Внешние проявления её большой внутренней силы скупы. Она готова на подвиг самоотречения, победила свои страсти. Её любовь к князю Петру потому и непобедима внешне, что она побеждена внутренне, ею самой, подчинена уму. Вместе с тем её мудрость — не только свойство её ума, но в такой же мере —

её чувства и воли. Между её чувством, умом и волей нет конфликта: отсюда необыкновенная «тишина» её образа.

Первое появление в повести девушки Февронии запечатлено в зрительно отчётливом образе. Её находит в простой крестьянской избе посланец муромского князя Петра, заболевшего от ядовитой крови убитого им змея. В бедном крестьянском платье Феврония сидела за ткацким станком и занималась «тихим» делом — ткала полотно, а перед нею скакал заяц, как бы символизируя собой слияние её с природой. Её вопросы и ответы, её тихий и мудрый разговор ясно показывают, что «рублёвская задумчивость» не бездумна. Феврония изумляет посланца своими вещими ответами и обещает помочь князю. Сведущая в целебных снадобьях, она излечивает князя, как Изольда излечивает Тристана, заражённого кровью убитого им дракона.

Несмотря на социальные препятствия, князь женится на крестьянской девушке Февронии. Как и любовь Тристана и Изольды, любовь Петра и Февронии преодолевает иерархические преграды феодального общества и не считается с мнением окружающих. Чванливые жёны бояр невзлюбили Февронию и требуют её изгнания, как вассалы короля Марка требуют изгнания Изольды. Князь Пётр отказывается от княжества и уходит вместе с женой.

Животворящая сила любви Февронии так велика, что жердья, воткнутые в землю, расцветают в деревья по её благословию. Она настолько сильна духом, что разгадывает мысли встреченных ею людей. В силе любви, в мудрости, подсказанной ей этой любовью, Феврония оказывает-

ся выше даже своего идеального мужа — князя Петра.

Их не может различить сама смерть. Когда Пётр и Феврония почувствовали приближение смерти, они стали просить у бога, чтобы умереть в одно время, и приготовили себе общий гроб. После того они приняли монашество в разных монастырях. И вот, когда Феврония вышивала для храма богородицы «воздух» для святой чаши, Пётр послал ей сказать, что он умирает, и просил её умереть с ним вместе. Но Феврония просит дать ей время дошить покрывало. Вторично послал к ней Пётр, велел сказать: «Уже мало пожду тебя». Наконец, посылая в третий раз, Пётр говорит ей: «Уже хочу умереть и не жду тебя». Тогда Феврония, которой осталось дошить лишь ризу святого, воткнула иглу в покрывало, обертела о неё нитку и послала сказать Петру, что готова умереть с ним вместе. Так и Тристан оттягивает час своей кончины. «Срок близится, — говорит Тристан Изольде, — разве мы не испили с тобою всё горе и всю радость. Срок близится. Когда он наступит, и я позову тебя, Изольда, придёшь ли ты?» «Зови меня, друг, — отвечает Изольда, — ты знаешь, что я приду».

После смерти Петра и Февронии люди положили тела их в отдельные гробы, но на следующий день тела их оказались в общем, заранее приготовленном ими гробу. Люди второй раз попытались различить Петра и Февронию, но снова тела оказались вместе, и после этого их уже не смели различать. Так же точно в победе любви над смертью Тристан спускается на могилу Изольды цветущим терновником (в некоторых вариантах романа о Тристане и Изольде тела их оказываются в одном гробу). Образы героев

этого рассказа, которых не могли различить ни бояре, ни сама смерть, для своего времени удивительно психологичны, но без всякой экзальтации. Их психологичность внешне проявляется с большой сдержанностью.

Отметим и сдержанность повествования, как бы вторящего скромности проявления чувств. Жест Февронии, втыкающей иглу в покрывало и обвёртывающей вокруг воткнутой иглы золотую нить, так же лаконичен и зрительно ясен, как и первое появление Февронии в повести, когда она сидела в избе за ткацким станком, а перед нею скакал заяц. Чтобы оценить этот жест Февронии, обвёртывающей нить об иглу, надо помнить, что в древнерусских литературных произведениях нет быта, нет детальных описаний — действие в них происходит как бы в сукнах. В этих условиях жест Февронии драгоценен, как и то золотое шитьё, которое она шила для «святой» чаши.

Слово. Православный образовательный портал. — <http://www.portal-slovo.ru/philology/37351.php>

Архангельская А.В. Повесть о Петре и Февронии Муромских.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» написана выходцем из Пскова, протопопом дворцового собора в Москве, а впоследствии монахом Ермолаем-Еразмом для «Великих Четьих-Миней» митрополита Макария. Однако этот текст не был включён в свод, т.к. по целому ряду признаков резко отличался от классической житийной традиции.

Биографические сведения о Ермолае-Еразме весьма скудны. Известно, что в середине XVI века он приехал в Москву из Пскова и был прото-

попом дворцового собора в Москве, к началу 60-х гг. постригся в монахи (под именем Еразма) и, возможно, покинул столицу. Ермолай-Еразм отдал дань публицистической литературе, чрезвычайно активно развивающейся в XVI столетии. Здесь его наиболее значительным произведением стал трактат «Благохотящим царям правительница и землемерие», в котором проводится мысль о крестьянстве как основе общества и предлагается твёрдо определить размеры крестьянских оброков и оградить крестьян от притеснений государственных землемеров и сборщиков, что должно было, с точки зрения автора, привести к уменьшению крестьянских волнений.

Наряду с публицистическими памятниками Ермолай-Еразм создавал и агиографические — «Повесть о рязанском епископе Василии» и «Повесть о Петре и Февронии». Последний из этих текстов и будет предметом нашего пристального внимания.

Целый ряд сюжетных моментов роднит «Повесть о Петре и Февронии» с разными типами народной волшебной сказки. Начальный фрагмент повести напоминает о змееборческих мотивах: князь Пётр освобождает жену своего брата Павла от змея-оборотня при помощи Агрикова меча.

Появление крестьянской девушки Февронии, исцелившей Петра от струпов, которыми покрывало его тело от брызнувшей на него крови змея, вводит в повествование традицию сказок о мудрой деве, поражающей своей смекалкой окружающих. Как и княгиня Ольга «Повести временных лет» (образ которой также восходит к сказочной «мудрой деве»), Феврония загадывает загадки, указывая слуге князя, что «не лепо есть быти дому безо ушью

и храму (горнице) безо очию», а затем сообщая, что отец с матерью «поидоша взаём плакати», а брат «иде чрез ноги в нави зрети» («пошёл сквозь ноги смерти в глаза глядеть»). Как и в случае с Ольгой, загадки и отгадки разнесены во времени: только в ответ на недоумение юноши Феврония разъясняет: уши дому — собака, а глаза — ребёнок; плакать взаимы значит пойти на похороны, «егда же по них смерть приидет, инии по них учнут плакати»; а смотреть в лицо смерти через ноги — бортничать, т.е. собирать мёд на деревьях, «чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты».

К сказке о девочке-семилетке восходит и мотив опровержения абсурда абсурдом: в ответ на просьбу князя сделать ему, пока он будет в бане, из маленького пучка льна одежду и платок, Феврония просит князя смастерить из обрубка полена ткацкий стан.

Сказочным сюжетным ходом кажется «неравный брак» муромского князя и крестьянской девушки. Столь же традиционен для сказки о мудрой девице сюжет о том, как изгоняемая жена просит дать ей с собой самое дорогое и увозит своего мужа; точно так же Феврония просит бояр разрешить ей взять с собой всё, что она захочет, а получив согласие, восклицает: «Ничто же ино прощу, токмо супруга моего, князя Петра».

И всё же «Повесть о Петре и Февронии» была обработкой житийных легенд о муромских святых и потому содержит целый ряд традиционных агиографических мотивов, в большинстве своём тесно переплетающихся со сказочными. Змей, искушающий жену князя Павла, посылается дьяволом, и этот момент напоминает о грехопадении Евы, тоже искушаемой змеем-дьяволом.

Князь Пётр, неоднократно называемый в «Повести» «благоверным», обретает Агриков меч не при помощи силы или хитрости, как сказочный герой, а по молитве, т.к. «имеяше же обычай ходити по церквам уединяся», причём меч находится в алтарной стене храма монастыря во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Таким образом, волшебный меч одновременно оказывается посланным герою Божественным промыслом.

Согласие Февронии исцелить Петра при условии женитьбы на ней также может быть истолковано двояко: как желание сказочной героини во что бы то ни стало добиться счастья и как провидение святой своей будущей судьбы.

Необычны чудеса в «Повести»: боярские жёны жалуются на крохоборство муромской княгини, видя в этом следствие её крестьянского происхождения: «От коегождо стола своего без чину исходит: внегда бо встати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна». Сразу вспоминаются кости и вино, спрятанные Василисой Премудрой в рукав и превратившиеся в озеро с лебедями.

Однако крохи в руке Февронии претерпевают весьма специфическое превращение. «Князь же Пётр приим ю за руку и, развёл, виде ливан добровонный и фимиян», т.е. крошки хлеба превращаются в ладан и фимиам, использующиеся в православном богослужении. По благословению Февронии за одну ночь превращаются в цветущие деревья воткнутые ею в землю прутья, что, по мнению Д.С. Лихачёва, свидетельствует о том, насколько велика сила её животворящей любви.

Вполне традиционен для жития финал повести, рассказывающий о том, как Пётр и Феврония перед смертью приняли монашество под именами Давида и Ефросиньи. Последнее дело Февронии — вышивание воздуха с ликами святых, покрывала на Святую Чашу. Троекратный призыв мужа выполнить обещание принять смерть вместе также выполняет функцию чуда. Функцию посмертных чудес выполняет рассказ о двукратном соединении тел супругов в одном гробе, несмотря на желание муромских людей разделить их после смерти, «яко во мнишестем образе неугодно есть положить святых в едином гробе». За этим рассказом о довольно «специфическом» посмертном чуде следует повествование о чудесах «традиционных»: «иже бо с верою приришуще к раце мощей их, неоскудно исцеление приемлют». Заканчивается «Повесть» традиционной молитвой к Петру и Февронии.

Помимо фольклорной и житийной традиции, в «Повести о Петре и Февронии» традиционно выделяется ряд мотивов, сближающих её со средневековыми романами о любви, бытовавшими на Западе и Востоке. Наибольшее количество общих черт можно обнаружить при сопоставлении повести с западноевропейским романом о Тристане и Изольде. Как Пётр, Тристан одерживает победу над змеем, но заболевает, и тогда на помощь ему приходит Изольда, оказавшаяся опытной целительницей. Против любви Петра и Февронии восстают муромские бояре, уподобляясь в этом вассалам короля Марка. По смерти герои остаются неразлучными: Пётр и Феврония похоронены в одном гробу, несмотря на попытки людей нарушить

их волю, а из гробницы Тристана вырастает перекинувшийся на могилу Изольды куст терновника, который никому не удаётся уничтожить.

В то же время эти произведения достаточно существенно отличаются друг от друга прежде всего в трактовке темы любви. Тристан и Изольда случайно выпивают любовный напиток и оказываются на всю жизнь одержимыми любовью-страстью, чувством стихийным и всепоглощающим, тогда как жизнь Петра и Февронии, освящённая христианским браком, отличается особой «психологической умиротворённостью» (термин Д.С. Лихачёва). Кроме того, Пётр в русской повести оказывается значительно более пассивным, чем его западноевропейский прототип.

Вечный сюжет о смерти в один и тот же миг находит отражение в поэме Алишера Навои «Лейли и Меджнун». Н.И. Конрад, рассуждавший об этой поэме и её связи с «Тристаном и Изольдой», замечал: «Могут сказать: да, Лейли и Меджнун умерли в одно и то же мгновение. Но Тристан и Изольда — нет. Не соглашусь: Тристан и Изольда также умерли в одно и то же мгновение — в тот самый миг, когда она с криком — Тристан! — вбежала к нему на замковую башню, когда он поднялся навстречу ей с криком: «Изольда!» Мне скажут: он действительно умирает, но она в этот миг только лишается сознания, а потом приходит в себя и поёт целую песнь любви и смерти. Не соглашусь: она умерла в тот же миг и поёт уже потом... там, где они опять оба вместе. Смерть окончательно соединила этих западных Лейли и Меджнуну».

Целый ряд наблюдений о соотношении «Повести о Петре и Февро-

нии» с некоторыми произведениями средневековой западноевропейской словесности был сделан Ф.И. Буслаевым. Чрезвычайно распространён мотив чудесного добывания меча: князь Пётр находит его в алтарной стене храма; Зигмунд, герой «Саги о Вэльзунгах», вынимает из священного дерева; валашский витязь Вилиш девять дней молится у четырёх каменных столбов, после чего обретает меч. От ядовитой крови побеждённого змия погибают бог Тор и англосаксонский герой Беовульф. Исцеление Петра Февронией можно сопоставить с эпизодом Старшей Эдды, рассказывающим о том, как Брингильда учила Зигурда целебным рунам.

Интересно сопоставлены Ф.И. Буслаевым рассказ о прыгающем перед ткацким станком Февронии зайце с немецким преданием об основании Кведлинбурга. Предание повествует о том, как Матильда, дочь императора Генриха III вступает в союз с дьяволом, чтобы избавиться от преступной склонности в ней со стороны её отца, и теряет прежнюю красоту. Однако продажа души состоится только в том случае, если девушка хоть на мгновение заснёт в течение трёх ночей. «Чтоб воздержаться себя ото сна, она сидела за кроснами и ткала драгоценную ткань, как наша Феврония, а перед нею прыгала собачка, лаяла и махала хвостом... собачку эту звали Wedl или Quedl, и в память её Матильда назвала основанное ею потом аббатство Кведлинбург».

Загадка о плаче взаимности получает своеобразное ироническое переосмысление в одном из фрагментов сказаний о Соломоне и Морольфе, когда последний сообщает, что его мать «пошла... сослужить своей куме такую службу, какой кума уж никогда

ей не сослужит» — имеются в виду похороны (Ф.И. Буслаев).

В «Повести о Петре и Февронии» уже нет той бури страстей, которая знакома читателям агиографических произведений Епифания и Пахомия Серба. На смену страстям приходит тихая умиротворённость, погружённость в себя. Феврония обладает огромной внутренней силой и волей, но эта сила и воля очень редко проявляются во внешней аффектации. Примеры внешнего проявления этой внутренней силы лишь косвенно позволяют читателю догадываться о ней (выросшие за одну ночь деревья, превратившиеся в ладан и фимиам крошки, способность читать мысли людей).

Любовь в «Повести о Петре и Февронии» — меньше всего всепоглощающая человеческая страсть (как в романе о Тристане и Изольде). Исследователи писали о том, что любовь Февронии к князю Петру непобедима именно потому, что она уже побеждена внутренне ею самой, подчинена её уму. В «Повести о Петре и Февронии» тема любви оказывается чрезвычайно тесно соотнесённой с темой ума, человеческой мудрости — тоже одной из основных тем древнерусской литературы. В силе своей любви, в мудрости, как бы подсказываемой ей этой любовью, Феврония оказывается выше своего идеального мужа — князя Петра. Но не только любви свойственна мудрость, но и мудрости присуща любовь. Между чувством, умом и волей нет конфликта, нет борьбы, нет противоречия.

Еромолай-Еразм — мастер прекрасных, отчётливо зримых описаний. Таково, например, первое появление в повести девушки Февронии: посланец князя Петра находит её в простой

крестьянской избе, в бедном крестьянском платье, занятую рукоделием: Феврония сидит за ткацким станом и ткёт полотно, а перед нею скачет заяц. Заяц — образ, восходящий к фольклору, который тоже выполняет функцию сложной характеристики героини, символизируя собой её слияние с природой, её девичью чистоту и одновременно — будущую свадьбу.

Д.С. Лихачёв восхищался описанием предсмертного жеста Февронии: когда Пётр в третий раз послал к ней сказать, что пришло время умирать, она воткнула иглу в покрывало и обернула вокруг неё золотую нить. В тех условиях, когда в литературе быту и детальным описаниям уделяется не так много места, «жест Февронии драгоценен, как и то золотое шитьё, что она шила для Святой Чашы» (Д.С. Лихачёв).

Таким образом, наиболее яркой чертой «Повести о Петре и Февронии» является тесное переплетение в ней фольклорных и агиографических мотивов. Фольклорная стихия привнесла в текст повести бытовую конкретность, не свойственную современным ей литературным памятникам. Нетрадиционный характер житийной «Повести о Петре и Февронии» делал её, очевидно, неподходящей для агиографических канонов XVI в. Хотя она была создана одновременно с окончательной версией «Великих Миней Четиих», в их состав включена не была. Фольклорные мотивы повести, её лаконизм, отсутствие этикетных черт — всё это делало её чуждой агиографической школе митрополита Макария.

Методический комментарий

Решая данную задачу, учащиеся должны найти ответы на следующие вопросы:

Что такое «житие» как жанр? Что такое «рыцарский роман»? Что входит в понятие «средневековая литература»?

Какова взаимосвязь литературного произведения с устным народным творчеством?

Есть ли взаимосвязь между развитием литературного процесса в Европе и России? Если да, то в чём это может быть выражено и как событийность реальной жизни становится сюжетом литературного произведения?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, учащимся необходимо найти достаточное количество информации, которая поможет им сформировать представление не только об особенностях средневековой литературы в разные временные промежутки, но и зависимости литературного процесса от конкретных историко-географических условий.

Для работы использован текст о Петре и Февронии Ермолая-Еразма, а также одно из переложений романа о Тристане и Изольде:

1. *Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских.* — Библиотека Гумер — гуманитарные науки. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/H/istory/letopis/pov_petrfevr.php

2. *Бедье Жозеф.* Роман о Тристане и Изольде. М.: Художественная литература, 1955.

3. История русской литературы X–XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Под ред. Д.С. Лихачёва. М.: Просвещение, 1979.

4. *Лихачёв Д.С.* Великое наследие // Лихачёв Д.С. Избранные работы в трёх томах. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1987. С. 3–342.